

Работа Карла Шмитта «Состояние европейской юриспруденции»*

Райнхард Меринг

Профессор Высшей педагогической школы в Гейдельберге
Адрес: Keplerstraße, 87, Heidelberg, Deutschland D-69120
E-mail: mehring@ph-heidelberg.de

Олег Кильдюшов
(переводчик)

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья представляет собой новую редакцию доклада профессора Высшей педагогической школы в Гейдельберге Райнхарда Меринга, известного биографа и исследователя творчества Карла Шмитта. Она была специально переработана для публикации в русском издании. В частности, учитывая интересы отечественной публики, автор добавил отдельный раздел об образе России в работах К. Шмитта. В нем кратко реконструируются шмиттовские представления о «ментальной географии» — месте Европы и Германии в XX веке, а также о геополитической принадлежности Советской России. Завершается первая часть интересной спекуляцией автора о том, как классик воспринял бы ситуацию в современной Российской Федерации. Далее, в начале следующей части излагается методологическое кредо исследователя, позволяющее, на его взгляд, адекватно работать с текстами такого сложного автора, как Шмитт. Во второй части рассматриваются редакции работы «Состояние европейской юриспруденции» и контекст ее возникновения, в частности говорится о докладах военного времени (1943–1944), уже содержащих смысловое ядро последующей публикации (1950). В третьем разделе реконструируется шмиттовский взгляд на историю юриспруденции, начиная с 1920-х годов. Заключительная, четвертая часть, посвящена анализу структуры самой работы. В качестве удачной иллюстрации в жанре истории идей приводится «зеркальный кабинет» Шмитта, т. е. набор референтных авторов, с которыми он себя отождествлял в разные годы. Завершается статья выводом об эвристическом потенциале работ классика, позволяющих многое понять в актуальных политико-правовых дебатах.

Ключевые слова: Карл Шмитт, юриспруденция, национал-социализм, история идей, Фридрих фон Савиньи, Россия, большевизм

© Mehring R., 2018

© Кильдюшов О. В., перевод, 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-30-58

* Впервые опубликовано: Mehring, 2017b. Работа «Состояние европейской юриспруденции» цитируется здесь по перепечатке в шмиттовском сборнике «Verfassungsrechtliche Aufsätze: Materialien zu einer Verfassungslehre» (Berlin, 1958) с помощью аббревиатуры VRA. Подробнее о представленном здесь общем подходе см.: Mehring, 2009, 2017c, 2017a.

Данный текст представляет собой доклад, прочитанный мною на коллоквиуме Гейдельбергского института международного права имени Макса Планка по приглашению его директора Армина фон Богданди. В переработанной форме он был опубликован в «Журнале зарубежного публичного и международного права» (*Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*). Таким образом, он адресован в первую очередь профессиональной немецкой юридической публике и призван пояснить немецким юристам, не являющимся специалистами по Шмитту и, как правило, мало интересующимися историей возникновения старых текстов, некоторые герменевтические проблемы, связанные с пониманием этого сочинения. При этом его целью, помимо простого комментирования данной работы, было приблизить читателя к сложным поздним трудам Шмитта по международному праву. Сам Шмитт рассматривал публикацию этой небольшой брошюры весной 1950 года в качестве введения к «Номосу земли», вышедшему несколько месяцев спустя, в декабре 1950-го. Сейчас мой комментарий, публикуемый здесь по-русски благодаря дружеским усилиям проф. Александра Филиппова и Олега Кильдюшова, адресуется другой публике, с другими интересами и с другим уровнем шмиттоведения. Хотя далеко не все в тексте можно было переписать для этой аудитории, тем не менее мною добавлены некоторые пояснения, а что-то, наоборот, удалено. Но самое главное — в него включены следующие предварительные замечания к концепту Европы и образу России у Шмитта.

Вводные замечания к образу России у Карла Шмитта

Когда Шмитт в 1950 году говорит о «европейской юриспруденции», он имеет в виду не Европейский союз, учрежденный Римскими договорами лишь в 1957 году; в условиях разделения мира во время холодной войны он и не помышляет о включении сюда России и русской публики. Для Шмитта большевистский Советский Союз не относится к Европе. Впрочем, он также отличал старую Европу от «западного полушария» — англосаксонского мира, который критиковал в «Номосе земли» столь же резко, как до и после 1933 года.

Шмитт помещает Германию и Европу между Востоком и Западом. При этом он, как и многие немецкие интеллектуалы после 1900 года, находился под сильным впечатлением от русской культуры и религиозности. Однако, в отличие от Томаса Манна, Макса Вебера или, позднее, философского «экзистенциализма», на него не так сильно повлияли великие русские писатели XIX века. Толстой и Достоевский не входили в число его любимых авторов, более охотно он читал французскую литературу и лирику авангарда, начиная со Стендаля и Бодлера. В своих академических поездках с докладами он не забирался дальше Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и никогда не посещал Советский Союз. Но он проявлял большой интерес и симпатию к Юго-Восточной Европе и православию.

В 1926 году он женится на сербке православного вероисповедания, которая сохраняла приверженность православной вере и вращалась в Берлине в кругу рус-

ской общины. После Русской революции Берлин вообще стал пристанищем и убежищем для русских эмигрантов. Шмитт имел много знакомых среди них, о чем свидетельствуют записи в его дневниках. Можно было бы подумать о том, что, с учетом его антилиберальных и «авторитарных» установок и государственно-теоретических позиций, «византийское» и «православное» христианство должно было быть ему ближе, нежели приверженность «римскому католицизму», о которой он скорее неохотно и стратегически — чтобы добиться церковного расторжения своего первого брака — заявляет в сочинении «Римский католицизм и политическая форма» (1923/1925). Шмитт не был верным сыном католической церкви и на «прямой вопрос» о религиозной вере — тот самый вопрос славной Гретхен к доктору Фаусту у Гете, который вошел в немецкую поговорку, — так никогда и не дал совершенно искреннего и догматически удовлетворительного с точки зрения «Рима» ответа. Однако эту относительную близость и чувствительность его политической теологии к православному христианству я не могу обсуждать здесь более подробно.

Здесь важно в первую очередь то, что Шмитт проводил строгое различие между старой русской культурой и религиозностью и советским большевизмом. Его неприятие марксизма и большевизма носит категорический характер: он однозначно отвергает марксистскую «идею классово́й борьбы» и марксистскую линию, которая ведет от Маркса и Энгельса через Ленина к Сталину. Это видно уже по его сочинению «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» 1923 года. А в работе 1926 года «Ключевой вопрос Лиги Наций» Шмитт объявляет размежевание с Советским Союзом условием существования Лиги Наций. Исходя из своего различия «друг-враг», он предполагал, что размежевание с открытым врагом, Советским Союзом, может привести к минимальному консенсусу и относительной «гомогенности» Лиги Наций. Такое отграничение от Советского Союза он и назвал «ключевым вопросом Лиги Наций». В последующие годы он критиковал непоследовательность в его проведении как «трансформацию» и самоуничтожение этой организации. Таким образом, геополитически он не относил СССР к Европе, хотя мог бы рассматривать марксистский Советский Союз как собственно экспортный продукт Запада и пример «европеизации».

Чтобы исключить Россию из состава Европы, Шмитт уже в 1923 году в своем сочинении о парламентаризме разработал своеобразное различие между марксизмом и анархизмом (Mehring, 2013): анархизм он приписывал России, Востоку и Азии, связывая его исключительно с Бакуниным, причем Бакунина он понимал именно как русского. Уже в 1923 году он поражался триумфу «марксизма на русской почве» (Schmitt, 1926: 77; Шмитт, 2000а: 252) и объяснял победу большевизма соединением в нем марксизма и анархизма. В готовности анархизма к активным действиям и насилию он видел подлинный рецепт успеха революции, который был стратегически инструментализирован Лениным. Шмитт называл Бакунина «русским анархистом», который «именно в люмпен-пролетариате» увидел носителя революции, который и представлял для него «отворачивающуюся от Европы

русскость» (Schmitt, 1984: 64; Шмитт, 2000б: 153). При этом он признавал: «Я знаю, что в русской ненависти к западноевропейскому образованию может быть больше христианства, чем в либерализме и немецком марксизме» (Ibid.). Изображая «монгольский лик большевизма» (Schmitt, 1926: 89; Шмитт, 2000а: 254), он имел в виду следующее: «Пролетарское насилие вновь сделало Россию московитской» (Schmitt, 1926: 88; Шмитт, 2000а: 253).

Русскоязычному читателю, безусловно, хорошо знакомы эти высказывания Шмитта. Также для него довольно проблематично то, что Шмитт исключал Советский Союз из Европы и относил его к Востоку. Таким образом, он использовал и варьировал резкие полемические различия Запада и Востока. При этом он не исключал европейских возможностей для православного христианства. Конечно, в 1944 году, как и в 1950-м, когда было написано «Состояние европейской юриспруденции», он рассматривал Советский Союз как врага. Однако Шмитт не отождествлял «субстанцию» Европы с процессом европейского объединения и Европейским союзом после 1957 года. Воплощение европейского наследия и традиции после 1945 года он видел скорее в авторитарной Испании генерала Франко, победившего в гражданской войне, нежели в Федеративной Республике Германии, которой он отказывал в суверенной государственности. После 1945 года Шмитт считал франкистскую Испанию второй родиной и с конца 1950-х годов, когда его единственная дочь Анима вышла замуж за испанца, ежегодно проводил там свой летний отпуск. Как известно, Шмитт не был сторонником либеральной демократии и предпочитал президентские демократии и более авторитарные государства, нежели парламентская демократия ФРГ. За что он выступал бы сегодня, является спекулятивным вопросом, на который невозможно ответить. Но если бы сегодня он с его взглядами и его учением о конституции перенесся из Веймарской Республики в современную Россию, то, вероятно, отнесся бы к ситуации в ней с критической симпатией. После этих предварительных замечаний переходим к анализу брошюры 1950 года.

Редакции работы «Состояние европейской юриспруденции»

Работа «Состояние европейской юриспруденции» хорошо подходит в качестве введения в чтение юридических трудов Карла Шмитта. Юрист найдет здесь то, что ожидает и что действительно можно использовать как противоядие от сверхспециализированной правовой догматики: европейское образование, историческую дистанцию и актуальность. Шмиттовская краткая история инструментализации «легальности» и его сомнения по поводу значительного «ускорения» процедур могут показаться юристу знакомыми, а высказывание о «моторизованном законодателе» (VRA: 404) — метким. А когда у него речь заходит о «вытеснении законов распоряжениями» (VRA: 404) и звучит слово «указ», это легко ассоциируется с «режимом кризиса в ЕС» или «Дональдом Трампом». Кажется, что эта работа Шмитта не отягощена политическими проблемами, но вместе с тем — очень ак-

туальна. В ней нет спекуляций и герметичных правовых понятий, затрудняющих восприятие, что выглядит свежо и стимулирующе.

Однако подход этого рода — относительно беспроблемный и не осложненный, прямо-таки пробуждающий аппетит к такому автору, как Шмитт, — должен вызывать опасения и инициировать противоположные герменевтические усилия. При рецепции сочинения сегодня можно — как бы в рамках объективной герменевтики — абстрагироваться от его автора и истории возникновения, воспринимая и актуализируя центральные тезисы независимо от контекста, словно оно было написано вчера или сегодня. Не нужно стремиться понять работу точно так же или даже лучше самого автора — мы должны переводить «классиков» на наш язык и переносить в нашу академическую ситуацию. Например, «идеализм» ныне выглядит иначе, чем во времена Платона. Так что, несколько утрируя, сегодня можно строить аргументацию в духе платонизма и даже быть платоником, не цитируя Платона.

Подобное абстрагирование особенно необходимо в случае такого автора, как Шмитт, в чьих сочинениях встречаются разнообразные проблематичные мотивы и интенции. Здесь нужно действовать очень осторожно и избирательно, поэтому для актуализации некоторых выдвинутых Шмиттом тезисов надо просто отказаться от ссылок на него. После 1945 года он сам неоднократно советовал это своим последователям, призывая их избегать недоразумений и не вредить карьере упоминанием его имени. Кто цитирует Шмитта, тот, помимо обязательной систематической аргументации, вынужден обращаться к дополнительным объяснениям и образцам. Он как бы открывает второй фронт на заминированной местности, по которой можно передвигаться лишь с большой осторожностью. Таким образом, иногда целесообразно просто избегать ссылок на Шмитта или четко обозначить свое избирательное отношение к определенным тезисам. Кто не готов отказываться от этого и открыто ссылается на Шмитта, тот должен контролировать свои ссылки исторически и более детально осмыслять то, что данный политико-полемический автор и изобретательный военный техник дискурса когда-то на самом деле связывал со своими тезисами. В противном случае объективная герменевтика, отказывающаяся от исторической перестраховки, легко попадает в ловушку дискурсивного стратега. Рекомендуются тем строже следовать максиме удвоенной осторожности, чем более академичным и беспроблемным кажется текст Шмитта.

В работе «Состояние европейской юриспруденции» Шмитт сам призывает к историческому «дистанцированию» и строгой историзации. Чтобы, так сказать, расчистить путь для трезвой актуализации, я и предпринял попытку такой историзации. Сначала я расскажу об истории возникновения и публикации данного текста, после чего в кратком очерке остановлюсь на более ранних вариантах истории юриспруденции у Шмитта. Своеобразие же данной работы я покажу через детальный анализ ее аргументации и структуры, проясняя смысл обращения автора к работам берлинского юриста Фридриха фон Савиньи, которое оказывается для него парадигмой исторического дистанцирования. Шмиттовское отождествление

себя с Савиньи прочитывается нами как автобиографическая легенда, преднамеренно созданная с целью политической инструментализации прошлого, что сбивало с толку уже первых читателей текста.

Представим себе положение Шмитта как автора в начале 1940-х годов: с превращением войны в тотальную в результате вторжения в Россию и вступления в нее США Шмитт замолкает как национал-социалистический публицист. Он уже понимает, что его концепция национал-социалистического «порядка большого пространства» в Центральной Европе потерпела крах и что победа в мировой войне, вероятно, будет зависеть от господства в воздухе. Поэтому его сочинение «Земля и море» уже в конце 1942 года маркировало отказ от «международно-правовой» апологии национал-социализма и повторный переход к «апокалиптическому» видению современности как чрезвычайного положения. После 1945 года Шмитту как серьезно дискредитированному сотрудничеству с национал-социализмом автору было запрещено публиковаться. С основанием Федеративной Республики Германии он запланировал в 1950 году свой публицистический «камбэк» сразу в виде четырех монографий. Сначала он выступил с брошюрой «Состояние европейской юриспруденции» как юрист, затем выпустил небольшие книги «Доносо Кортес в общеевропейской традиции» и «Ex Captivitate Salus» в жанрах истории идей и автобиографии, и, наконец, завершить его триумфальное возвращение должна была в конце 1950 года большая обобщающая работа по истории международного права «Номос земли в праве народов *jus publicum euroraeum*».

В то время Шмитт еще надеялся с помощью такого публицистического наступления восстановить свою репутацию интеллектуального мастера правой мысли и заново утвердить свою роль в «европейском» политическом дискурсе. 8 февраля 1950 года он записал в «Глоссарии»: «Попытка Хайдеггера вернуться заслуживает оценки „вполне удовлетворительно“ (для обеих сторон); Готфрид Бенн выступил просто на „отлично“; Эрнст Юнгер позорно провалился. Посмотрим, как финиширую я» (Schmitt, 2015: 226). Бенн был известным поэтом-экспрессионистом и эссеистом, Хайдеггер — философом, а Эрнст Юнгер, с которым Шмитт был дружен с 1930 года, — героем Первой мировой войны, военным писателем и эссеистом. Бенн, Юнгер, Хайдеггер и Шмитт — главные имена «классики» правого интеллектуализма в Германии тех лет и сейчас их изучают и обсуждают по всему миру. Начиная с осени 1948 года Бенн опубликовал множество статей и поэтических сборников. Кроме того, Шмитт здесь имеет в виду прежде всего «Лесные тропы» Хайдеггера и «Излучения» Юнгера. Тогда у него еще не было определенных ожиданий по поводу публичной реакции на его собственный «камбэк». Несколько недель спустя, 21 мая 1950 года, уже после выхода первых рецензий, он отметил, несколько разочарованно, разгневанно и удивленно: «Европейская юриспруденция? Где она и что она? А честь ее один лишь я храню»¹. Только бы не написать этому

1. Гёльдерлин Ф. Смерть Эмпедокла. Акт 1, 4. В русском переводе Я. Э. Голосовкера это место отсутствует, поскольку использован первый вариант сочинения, а Шмитт цитирует второй вариант. Подсказано П. В. Резвых. — *Прим. ред.*

д-ру Левальду, этому утонченному губителю (Lewald, 1950: 377). Non decet scribere ei qui vult proscribere» (Schmitt, 2015: 230). Латинский комментарий переводится так: «Не следует писать тому, кто хочет объявить тебя вне закона». Шмитт отсылает здесь к отрицательной рецензии на свое сочинение в журнале «Neue Juristische Wochenschrift», озаглавленной «Карл Шмитт redivivus», и цитирует фрагмент драмы Фридриха Гёльдерлина «Смерть Эмпедокла». Отождествление себя с Эмпедоклом глубокомысленно намекает на трагедию гения, ведь преследуемый народом досократик — номотет и царь философов — бросился в кратер вулкана Этна. Гёльдерлин поэтически передает это [в стихотворении «Эмпедокл»]:

Und du in schauerndem Verlangen
Wirfst dich hinab in des Aetna Flammen / ...
Doch heilig bist du mir, wie der Erde Macht,
Die dich hinwegnahm, kühner Getödteter!
Und folgen möchte' ich... dem Helden².

Уже в скором времени Шмитт начнет сравнивать рецепцию своего сочинения с «охотой на ведьм» и для усиления эффекта будет «с большой пользой перечитывать „Cautio Criminalis“ графа Шпее 1631 года» (Schmitt, 2015: 232)³.

Его работа «Состояние европейской юриспруденции» впервые вышла в марте 1950 года в виде отдельной брошюры в международном издательстве Тюбингенского университета. В 1958 году она вновь была опубликована в составе сборника «Статьи по конституционному праву» (Verfassungsrechtliche Aufsätze) с глоссой об истории написания и пояснениями о взаимоотношениях между Савиньи и Гегелем. Юрист Савиньи и философ Гегель одновременно преподавали в начале XIX века в Берлинском университете и при этом конфликтовали друг с другом. Они представляли различные «школы»: «историческую школу» и философско-систематическую школу гегельянства, из которой вышел марксизм. Небольшим тюбингенским издательством руководил Серж Майвальд (Serge Maiwald), единственный близкий ученик Шмитта, защитивший у него диссертацию в Берлине и намеревавшийся габилитироваться там же. В это время Майвальд издавал журнал Universitas, в котором появились многие первые послевоенные публикации Шмитта. Таким образом, Майвальд был для Шмитта важным организатором его литературного возвращения, однако он умер в 1952 году в молодом возрасте; только ему Шмитт посвятил некролог (Schmitt, 1952: 447–448)⁴.

Относительно истории создания текста Шмитт подчеркивает (VRA: 426), что в 1943–1944 годах он неоднократно зачитывал это сочинение в качестве «докла-

2. Hölderlin, 1943: 19. «А ты, взыскующий, в трепете / Низвергаешься в пламя Этны ... / Но для меня ты свят, как власть земли, / Тебя забравшей прочь, отважный убиенный! / Я за героем следом ... отправиться хотел бы». — Прим. ред.

3. Это немецкий юрист сформулировал правило *in dubio pro reo* (в случае сомнений — в пользу обвиняемого). — Прим. ред.

4. Перепечатано в книге: Schmitt, 2005: 872–874.

да» в Бухаресте, Будапеште, Мадриде и Коимбре на немецком, испанском и французском языках, а выйти оно первоначально должно было в декабре 1944 года к 60-летию Йоханнеса Попица. При национал-социализме Попиц был прусским министром финансов. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года он был арестован как один из заговорщиков и повешен 2 февраля 1945 года в Плётцензее. То, что юбилейный сборник планировался, подтверждается сохранившейся в архиве Шмитта перепиской этого периода с издателем Вернером Вебером⁵. В вопросе о том, каковы были взаимоотношения Шмитта и Попица, если судить по известным источникам, не все понятно. Однако несомненно, что в конце войны Шмитт все еще сохранял довольно тесные отношения с Попицем. Но, насколько мы знаем, Попиц не предпринимал попыток включить Шмитта в круг заговорщиков. И насколько мне также известно, Шмитт никогда не заявлял об этом, даже когда, уже после смерти Попица, посвятил ему свои «Статьи по конституционному праву» и тем самым несколько инструментализировал его имя для подтверждения легенды об эзотерической оппозиционности своих сочинений.

О том, как соотносятся доклады с опубликованной брошюрой, кое-что можно сказать с определенностью: в замечаниях об истории создания текста (VRA: 426) Шмитт указывает на полную или частичную публикацию доклада 1944 года на венгерском языке. Возможно, некоторые версии доклада сохранились в архиве Шмитта. О своих поездках с выступлениями Шмитт был обязан докладывать руководству университета. В этих сообщениях подчеркивается его национал-социалистическая миссия, поэтому их следует читать с осторожностью. Вот что он пишет о докладе в Бухаресте:

Доклад на юридическом факультете в Бухаресте был посвящен теме «Влияние юристов на формирование европейского духа»... В своем выступлении я показал, что европейская юриспруденция как наука возникла в борьбе с теологией и что сегодня она вынуждена защищаться от нигилистической технизации. В этом положении между теологией и техникой я обнаружил параллель с нынешним состоянием европейского духа в целом. В частности, я указал на Савиньи как на великого европейского и одновременно немецкого юриста. Те слушатели, что внимали моим пояснениям, очень хорошо их поняли, как я мог узнать из сообщений бухарестских газет и последующих разговоров. Масса же слушателей, напротив, вообще не понимала по-немецки и, казалось, не опознавала даже имена собственные вроде Савиньи. Вследствие этого мне удалось дочитать доклад до конца лишь ценой больших усилий. Но я осознавал, что нахожусь в важнейшем месте, которое на протяжении двух поколений до сих пор было шлюзом для культурного проникновения Франции в Румынию и что впервые сила французской традиции была здесь сломлена. Только осознание этого позволило мне продержаться в очень сложной для оратора ситуации.⁶

5. Об этом см. мои замечания: Mehring, 2009: 414ff., 434ff.; из последних работ о Попице см.: Nagel, 2015.

6. Universitätsarchiv HU-Berlin, Personalakte PA Carl Schmitt 159a, Bl. 46f; см.: Tilitzki, 1998.

Бухарестское выступление Шмитта названо аналогично докладу «Формирование французского духа легистами», с которым он выступил в Париже, выполняя схожую культурно-политическую миссию. В нем Шмитт отстаивал националистический гегемонизм и подчеркивал превосходство «немецкого правового мышления». То, что он говорит в сообщении о «позиции» или положении юриспруденции «между теологией и техникой» и о Савиньи, составляет основу последующей публикации. Сохранился машинописный текст осени 1944 года, который Шмитт послал для публикации в юбилейном сборнике. Он был обнаружен в архиве влиятельного юриста Рудольфа Сменда, и его значительные отличия от печатной версии 1950 года были отмечены в издании переписки Шмитта со Смендом (Mehring, 2012: 113–115). Например, речь Шмитта о «дистанции», «убежище» и «крипте» юриспруденции является более поздней вставкой. Но самое главное — машинопись 1944 года имела другое окончание. Так, Шмитт среди прочего писал:

Закончить я хотел бы признанием. Подлинная тайна великого подъема в юриспруденции, произошедшего в 1814 году, заключается в союзе научного духа с пробужденным войной сознанием новой и юной силы. Таким образом, в страданиях нынешней мировой войны также содержатся новые ростки научного духа. Даже во время битв, в грохоте механизмов и под атаками с воздуха они сумеют найти таинственную тишину, необходимую для их роста, и однажды расцветут и принесут свои плоды. Это доверие, а не программа для раскопок, и его я черпаю из призыва Савиньи к юристам. Дух европейской юриспруденции вернется к самому себе, и гений, не оставивший нас в ужасах прошлых столетий, спасет и в этой мировой войне.

Этот вывод по тональности соответствует общим заключительным формулам других публикаций Шмитта времен войны, в которых референтный автор сменяется с Вергилия на Гельдерлина (Mehring, 2017a: 320f.). Шмитт всегда вел точные списки⁷, какие машино- и рукописные тексты и кому он давал. Печатную версию 1950 года он посылал около 100 раз, не в последнюю очередь дружественным иностранным коллегам. Таким образом, историю текста и ближайший круг адресатов применительно к этой публикации можно прояснить достаточно точно. Конечно, Шмитт не везде читал свой объемистый трактат целиком. Строгого тождества между докладами 1943–1944 годов и публикацией 1950 года нет. Однако нельзя говорить и о значительной намеренной фальсификации текста. Шмитт ослабил гегемонистскую направленность своего сочинения, придав отсылке к Савиньи оборонительный и консервативный оттенок. Тем не менее, с точки зрения авторского права, сегодня, вероятно, позволительно говорить об относительном тождестве текста 1950 года с его редакциями в форме докладов.

7. RW 265-19600.

Шмиттовская история юриспруденции

Шмитт постоянно разрабатывал сложные исторические генеалогии. При этом он отстаивал свой собственный канон, выступая против канона мейнстрима. Авторы, на которых он преимущественным образом ссылался, становились для Шмитта аргументами, с помощью которых он маркировал «духовно-исторические» констелляции, этапы и линии в агональных столкновениях⁸. Грубо можно выделить три основные линии: линию нововременной теории государства от Жана Бодена и Томаса Гоббса до Гегеля; линию «органического» государственного мышления, проходящую от Гегеля через Лоренца фон Штейна, Рудольфа фон Гнейста и Отто фон Гирке до Рудольфа Сменда; линию механистически-нормативистского правового мышления от Пауля Лабанда до Герхарда Аншютца и Ганса Кельзена. С этими именами Шмитт связывал важнейшие этапы в истории юриспруденции. В своей истории понятия «диктатура» он впервые проработал эти линии на конкретном материале. Они начинают превращаться в строгие каноны в 1922–1923 годах — с «Политической теологии» и «Духовно-исторического состояния современного парламентаризма». Альтернативное различие между «органической» и «механистически-нормативистской» линией дается в 1930 году в брошюре о Гуго Преуссе и его месте в немецкой теории государства («Hugo Preuß: Sein Staatsbegriff und seine Stellung in der deutschen Staatslehre»)⁹. В «Политической теологии» вводится оппозиция децизионизма и нормативизма, Гоббса и Кельзена — в качестве начала и конца нововременного государственно-правового мышления; затем в «Легальности и легитимности» усиливается критика легализма и позитивизма. В эпоху национал-социализма, в 1934 году, Шмитт в своем сочинении «О трех видах юридического мышления» добавляет к этому «конкретное мышление о порядке и форме», которое он авторизовал с помощью Гегеля (детально его политико-правовые предпосылки и духовно-исторические линии мы здесь опускаем).

Сочинение «О трех видах...» вышло весной 1934 года. В дальнейшем шмиттовская национал-социалистическая догматика изменяется после 30 июня 1934 года с выходом статьи «Фюрер защищает право». Я уже давно отстаиваю тезис, что эта статья означает поворотный момент в тогдашней публицистике Шмитта и маркирует изменение стратегии в его апологии национал-социализма¹⁰. В это время Шмитт хоронит свою первоначальную надежду на совместимость нацизма с конституцией, переходит с оптики «нормального состояния» на апокалиптическую оптику «чрезвычайного положения» и перестраивается с юридически-институционального оправдания национал-социализма на антисемитские смыслополагания. Ключевым словом здесь для него является «непосредственная» справедливость. Она обозначает «чрезвычайное государственное право» в условиях «чрезвычай-

8. О шмиттовской политике в отношении канона см.: Mehring, 2017a: 37ff., 337ff.

9. Перепечатана в качестве приложения к книге: Schmitt, 2016; также см.: Schmitt, 1937.

10. Об этом см.: Mehring, 2009: 351ff.; о предшествующей попытке «институционального» осмысления см.: Mehring, 2017e.

ного положения», противопоставляемого нормальной ситуации правового государства. Шмитт пишет: «Фюрер защищает право от самого негодного злоупотребления, когда он в момент опасности непосредственно создает право своей силой вождя как высшего судебного главы» (Schmitt, 1934c)¹¹. В это время Шмитт хоронит логику специфического правового кода и разделения морали, политики и права и понимает национал-социализм как персоналистское «государство фюрера». Он немедленно добавляет историю понятия «правовое государство», проводя различие между легалистским правовым государством и персоналистским «государством справедливости». Вполне возможно и даже вероятно, что он, как и его берлинский коллега и боевой товарищ по национал-социализму Карл Август Эмге, рассматривал это «государство фюрера» в качестве диктаторского и террористического Левиафана, не питая особых иллюзий по поводу обеспечения правопорядка в рамках этой системы. Поэтому поиски внутренне- и внешнеполитических врагов радикализируются, и в 1935–1936 годах он пишет свои самые ужасные тексты. С крайним цинизмом он теперь бросается в апологию террористического государства и при этом маркирует различие между другом и врагом не в последнюю очередь антисемитски.

Так, он приветствовал принятие Нюрнбергских расовых законов, опубликовав в «Deutsche Juristen-Zeitung» статью с чудовищным названием «Конституция свободы» (Schmitt, 1935a: 1133–1135), и организовал конференцию на тему «Еврейство в юриспруденции». Крайне национализированная история юриспруденции вроде «Трех видов юридического мышления» теперь получает сильное антисемитское кодирование идеи закона — от Спинозы до Лабанда и Кельзена.

Шмитт постоянно национализирует свою историю юриспруденции. При этом он противопоставляет ее развитие в Германии прежде всего Франции и Англии. Его книга рецензий «Поворот к дискриминационному понятию войны» также национально кодирована (Schmitt, 1938). Эта национализация правового мышления продолжается и в «Номосе земли». Шмитт связывает «децизионизм» и этатизм с «земным» и континентальным «французским духом», а универсалистский «нормативизм» — с «морским мышлением» англосаксонской традиции. Превосходство «немецкого правового мышления» в начале 1940-х годов он доказывает, ссылаясь на Гегеля, в таких своих крупных работах, как «Германское общее государственное право как пример образования юридической системы» (Das «allgemeine deutsche Staatsrecht» als Beispiel rechtswissenschaftlicher Systembildung) или «Формирование

11. Перепечатано в книге: Schmitt, 1940b: 199–203 (200). [Здесь цитируется по русскому переводу: Шмитт, 2010: 265.]

Шмитт аргументирует ссылками на революционную оборону, чрезвычайное государственное право, эпохальное изменение легитимности и конституции, а также на ограниченную по времени и объему действенность противозаконного «непосредственного правосудия» «периодом трех дней» (с. 269). В этой статье Шмитт в буквальном смысле требует возвращения к легальности *status quo ante*. Но политически он понимал всю иллюзорность этих требований и рассматривал «государство фюрера» с его «непосредственной» (не обеспеченной позитивным правом) справедливостью как чрезвычайное положение.

французского духа легистами» (Schmitt, 1940a, 1942b). Эти трактаты представляют несомненный интерес с точки зрения прочерченных в них линий истории науки. Их выводы были включены в обобщающее сочинение «Состояние европейской юриспруденции», при этом нуждается в отдельном осмыслении то, почему Шмитт внезапно заменяет ссылки на Гегеля в качестве центрального референтного автора ссылками на Савиньи, а в 1958 году так же неожиданно хоронит отсылку к Савиньи своей глоссой об их взаимоотношениях. Чтобы подробнее узнать, какой наработанный материал вошел в брошюру 1950 года, необходимо еще внимательнее рассмотреть шмиттовскую историю юриспруденции с 1934 года.

После своей брошюры «О трех видах юридического мышления» Шмитт опубликовал целый ряд небольших статей, в основном в «Немецкой юридической газете» (Deutsche Juristen-Zeitung) и в «Журнале академии немецкого права» (Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht), в которых профилирование подлинного «национал-социалистического правового мышления»¹² связывалось с историческими суждениями о «пути немецкого юриста» (Schmitt, 1934a, 1936a, 1936b). Шмитт также написал несколько интересных статей, которые можно рассматривать как теоретико-правовой анализ усиливающейся утраты формы и паралича кода легальности. Здесь достаточно назвать лишь статью «Кодификация или новелла?» (Schmitt, 1935b) или важный трактат «Сравнительный обзор новейшего развития проблемы законодательного наделения полномочиями» 1936 года, включенного и в сборник «Позиции и понятия» 1940 года. Таким образом, Шмитт на обширном материале проанализировал разрушение и паралич кода легальности, в том числе в сравнительной европейской перспективе, и связал выявленное изменение и утрату значимости «легальности» с поворотом к определенному «типу» юриста и «правоохранителя» (Rechtswahrers). Подобный вывод о переходе формы права от легальности к габитусу и типу судьи и юриста был сделан им уже в его ранней работе «Закон и приговор» (Schmitt, 1912) на основе изучения течений в тогдашней правовой мысли — движения в поддержку «свободного права» и социологии права.

Итак, я не пытаюсь утверждать, что шмиттовскую историю юриспруденции следует в первую очередь понимать как диагностику проблемы и что в ней очень рано правовые презумции были перенесены с законодателя и модуса легальности на понимание справедливости у профессиональных юристов. Однако Шмитт постоянно демонстрировал в качестве аналитического вывода деструкцию модуса легальности. При этом он всегда придерживался аргументации в духе «активного нигилизма» Фридриха Ницше: «Падающего — подтолкни!» Эмпатическая речь Шмитта о «сдерживателе» и «катехоне» по своему пафосу, как и недоверностью, соотносится с отрицанием радикального обострения, усиления и ускорения разрушительных тенденций, которые он формулирует логически и риторически очень точно. При этом в его остроумии можно разглядеть момент трагичности:

12. Об этом см.: Schmitt, 1934b, 1936c: 619–620.

рационализирующий, принципиальный и систематизирующий взгляд Шмитта способен увидеть лишь разрушительные тенденции. Таким образом, Шмитт почти неизбежно становится «ускорителем против воли» (Schmitt, 1942a). Именно эту трагическую логику он обсуждает на примере Савиньи и Гегеля, с которыми себя отождествляет. Самозванный «сдерживатель», видимо, часто спрашивал сам себя, не является ли он на самом деле «ускорителем».

Анализ структуры работы

Смысловое ядро отождествления с Савиньи

Сочинение «Состояние европейской юриспруденции» предвзвешивает начало разработки «Номоса земли» (к тому времени Шмитт давно считал войну проигранной). Параллельно он писал доклад «Доносо Кортес в общеевропейской интерпретации» (Schmitt, 1949)¹³. В это время он очень гибко перестраивается с «Германии» на «Европу», но поскольку его «теория большого пространства» (Schmitt, 1939)¹⁴ — с 1939 по 1942 год — требовала и обосновывала германскую Центральную Европу, семантический сдвиг не слишком велик: нацистская Германия оккупировала Европу, немецкая наука стремится быть европейской. При этом если Доносо Кортес был автором, с которым он отождествлял себя уже в 1920-х годах, то Савиньи теперь внезапно занимает место Гегеля. В это время Шмитт расширяет свой «зеркальный кабинет»: к отражениям добавляются Франсиско де Витория (Schmitt, 1950a: 98–141) и Алексис де Токвиль (Schmitt, 1950c: 25–33). При этом для Шмитта историческая параллельность ситуации гораздо важнее отдельных случайных идентификационных масок. В качестве исторических параллелей ему служат прежде всего три эпохи: позднеантичный период раннего христианства, который Шмитт прямо называет «большой параллелью»; раннее Новое время как переход от конфессиональных гражданских войн к светской государственности; и период около 1848 года — время провала буржуазной революции в Германии, краха немецкого идеализма и поворота к позитивизму, материализму и натурализму.

Шмитт рассматривал провал революции 1848 года как историческую трагедию и негативный переломный момент в национальной истории. Но, в отличие от Рудольфа Сменда, его предшественника на боннской кафедре, он не выдвигал никакой позитивной утопии гражданского общества. Собственно, его видение истории вряд ли позволяет понять столь сильную оценку неудачи 1848 года. Во всяком случае, у Шмитта текущее «духовно-историческое» состояние всегда отражалось в разнообразных перспективах целой когорты авторов 1848 года: Доносо Кортеса, Лоренца фон Штейна, Карла Маркса, Бруно Бауэра, Юлиуса Шталя, Алексиса де Токвиля, а в «Состоянии европейской юриспруденции» еще и Савиньи. Обращение в 1950 году к Савиньи — первое и единственное отождествление себя с про-

13. Перепечатано в: Schmitt, 1950b.

14. До 1942 года вышло четыре расширенных издания.

фессиональным юристом, встречающееся в трудах Шмитта. Здесь важно, что Савиньи для него — не только автор «манифеста» 1814 года, но именно «несчастливая фигура» (VRA: 418) в «несчастной роли» министра законодательства и президента прусского Государственного совета перед 1848 годом.

При этом он не упустил возможности заметить, что Савиньи уже вскоре «вернулся к себе и достиг европейского величия» (VRA: 419). Не исключено, что прусский государственный советник Шмитт¹⁵, которого в 1933 году во вновь учрежденный Государственный совет ввел один из главных нацистских политиков Герман Геринг, именно в ходе изучения истории Государственного совета пришел к позднему отождествлению себя с Савиньи. Сразу после назначения в Государственный совет летом 1933 года Шмитт начинает заниматься историческими исследованиями этого института, а вскоре привлекает к ним своих учеников — Гейдана де Русселя и Ганса Шнайдера. Вероятно, не в последнюю очередь благодаря знакомству с габилитационной работой Шнайдера по истории прусского Государственного совета (Schneider, 1952) Шмитт начинает отождествлять себя с Савиньи. Это отождествление и является тем, что составляет смысловое ядро и определяет своеобразие работы «Состояние европейской юриспруденции» по сравнению с другими вариантами шмиттовской истории юриспруденции. Этим отождествлением с Савиньи объясняется заход с историей римского права и призыв к «дистанцированию от легальности государства законодательства».

О теоретико-правовом анализе кризиса

Поясним ход мысли в этой работе. «Состояние европейской юриспруденции» разделено на шесть глав — Шмитт говорит о шести «стадиях» в истории права. Он исходит из исторического факта: существования общеевропейской юриспруденции, и в качестве «конкретных порядков», предшествующих индивидуальным формам ее преломления в различных государствах, называет прежде всего рецепцию римского права и «рецепцию конституционализма» (VRA: 397) в общем учении о государстве. Здесь нас не должно интересовать все то, что в национал-социалистической юриспруденции, включая Шмитта, было сказано и написано после 1933 года¹⁶ против рецепции римского права. Это относится и к хорошо знакомому Шмитту состоянию дискуссии, которая тогда характеризовалась прежде всего публикациями Франца Виаккера и Пауля Кошакера. Следует попутно заметить, что в своих высказываниях об общеевропейской рецепции римского права Шмитт совершенно умалчивает о такой ее «духовно-исторической» предпосылке, как христианство. В брошюре юриспруденция, ввиду ее специфики, последовательно обособляется автором от теологии и потому христианство здесь не затрагивается, в отличие от «Номоса земли».

15. Об этом см.: Blasius, 2001; Mehring, 2017a: 80-97; также см. только что вышедшую работу: Lethen, 2018.

16. Краткий обзор см.: Stolleis, 1999: 339f.

После двух глав о римском праве следует глава о «кризисе легальности государства законодательства» в XIX и XX веках. Вначале Шмитт отстаивает здесь оригинальный и интересный тезис, впервые емко сформулированный еще Юлием Кирхманом (Kirchmann, 1848), что этот кризис в XIX веке сначала смягчался и торжествовал благодаря той роли, что играли юристы и юриспруденция во времена больших кодификаций. В результате кодификации закон представлял в систематическом порядке как единство и целостность по отношению к интервенциям законодателя, выступая к тому же еще и как относительно автономная и объективная сила и величина. Применительно ко второй стадии кризиса Шмитт диагностирует разрушение формы закона со стороны, как он говорит, «моторизованного законодателя», который скрывает свои притязания на то, что изданные им акты будут иметь всеобщий и долгосрочный характер, переходя к предписаниям и распоряжениям. Таким образом, с помощью оригинальных формулировок он повторяет выводы своего теоретико-правового анализа относительно разрушения формы закона (который уже с начала 1920-х годов был у него общим теоретико-правовым мотивом), чтобы похоронить «буржуазное правовое государство»: Шмитт выступал за диктатуру как государственную форму XX века, поскольку считал необратимым процесс изменения модуса управления от закона к распоряжениям.

Этой теоретико-правовой перспективы, позволяющей анализировать разрушительные тенденции, он продолжает придерживаться и после 1933 года, углубляя и дифференцируя ее. Его значение как юриста при национал-социализме не в последнюю очередь заключается в сохранении верности этой теоретико-правовой перспективе анализа. Но в то время не один только Шмитт наблюдал национал-социалистическое разрушение формы закона. Здесь можно было бы назвать и другие тексты: например, лишь недавно опубликованный доклад его боннского ученика Эрнста Рудольфа Хубера, сделанный во время зимнего семестра 1944–1945 годов¹⁷. В своих статьях о национал-социалистической юриспруденции Хорст Драйер также указывал на такого рода теоретико-правовой вклад нацистской науки (Dreier, 2016)¹⁸. Что касается написанных Шмиттом при национал-социализме критических теоретико-правовых статей, то бесспорно, что он как аналитик паралича правовой формы одновременно являлся апологетом ускоряющегося разрушения. Уже говорилось о том, что создаваемые им точные понятийные конструкции почти неизбежно носили двойственный характер и ускоряли те тенденции, постижению которых способствовали.

«Расщепление права»: ответ как вопрос

Последние две главы работы дают ответ о диагнозе кризиса. Точнее было бы говорить о максимах поведения при профессиональном обращении с «проблемой легальности». В этом, помимо новых формулировок, заключается подлинное зна-

17. Об этом см.: Grothe, Mehring, 2016.

18. Об этом см. мою рецензию: Mehring, 2017d: 53–57.

чение данного сочинения по сравнению с предыдущими версиями истории юриспруденции. Пятая глава называется «Савиньи — парадигма первого дистанцирования от легальности государства законодательства». Название сформулировано так, что наводит на мысль рассматривать самого Шмитта в качестве автора парадигмы второго дистанцирования для второго этапа (XX века). Уже говорилось, что он указывал не только на манифест Савиньи 1814 года, но и на его более позднюю «несчастную роль» и «противоречие», заключавшееся в том, что этот критик кодификации законов стал «министром по делам пересмотра законов». Как было сказано выше, здесь Шмитт не в последнюю очередь пытается провести историческую параллель со своим собственным участием в национал-социалистическом Государственном совете. Таким образом, это отождествление себя с Савиньи можно отнести к обширному полю самооправдательных легенд и стратегий извинения государственного советника Шмитта после 1945 года.

Шмиттовская легенда о его деятельности в качестве государственного советника гласит, что Шмитт был «этактистским сдерживателем» в духе прусской традиции, который сначала верил в совместимость национал-социализма с конституцией и в надежде на его приручение сделал стратегическую ставку на Геринга, но после 30 июня 1934 года отказался от попытки его институционально-этактического осмысления. Таким образом, легенда о государственном советнике связана с легендой об этактизме, для поддержания которой Шмитт после 1945 года порой охотно ссылаясь на свою частную аудиенцию у Муссолини в 1936 году¹⁹. Эта легенда о государственном советнике выполняла после 1945 года не в последнюю очередь функцию самооправдания, отвлекая внимание от длительного сотрудничества с его ментором из числа ведущих национал-социалистических политиков Гансом Франком, к «кругу» которого он причислял себя до конца 1936 года.

Обращая здесь внимание на автобиографическую легенду и смысл отождествления Шмиттом себя с Савиньи, мы не ставим под сомнение высказывания и исследования, связанные с самим Савиньи. Однако, как бы детально ни анализировал Шмитт Савиньи, его позицию сложно представить систематически. Он выделяет прежде всего «учение Савиньи об источниках права» (VRA: 411), однако не разделяет его учения о «народном духе», которое Шмитта никогда не интересовало. Учение об источниках права он преобразует, явным образом не проясняя, в тезис, который выделяет курсивом: «*Юриспруденция сама есть подлинный источник права*» (VRA: 412). Объяснение здесь такое: «Для нее закон — лишь материал, который она оформляет и облагораживает, насколько это возможно; научная форма, которую способна придать она одна, позволяет раскрыть и завершить присущее материалу закона единство, производя тем самым „органическую жизнь, оказывающую обратное формирующее воздействие на самое вещество“» (VRA: 412)²⁰.

19. Об этом см.: Schmitt, 1936c: 619–620.

20. Шмитт цитирует по сочинению: Savigny, 1840: 46.

Здесь невозможно определить границы самоотождествления Шмитта с Савиньи. Конечно, с точки зрения систематики верно, что институционализируемая юридическая наука оказывает определяющее влияние на правовую культуру и правовое развитие общества. Законы формулируются юридически, конституционные органы обеспечивают установление норм и контроль, и не только судьи являются профессиональными юристами. Если считать, что юриспруденция как «источник права» придает правовым материям систематическую форму, то политико-правовые задачи государственного советника Савиньи значительно отличались от задач национал-социалистической юриспруденции. Шмитт молчит об этом. Конечно, своим «учением о большом пространстве» и докладами за рубежом он заявил о притязаниях немецкой юриспруденции на лидерство и выдвинул имперский концепт утверждения национал-социалистической юриспруденции в «Центральной Европе». После 1945 года с помощью семантического смещения к «европейской» правовой науке и к «*jus publicum europaeum*» он незаметно отказывается от имперских притязаний, содержащихся в его требовании формирования «системы юриспруденции».

В брошюре 1950 года «Состояние европейской юриспруденции» он уже не дает подробного объяснения тезисам о юриспруденции как «источнике права» и о многогранном воздействии юриспруденции на государственные законы, а лишь идеально-типически различает три национальные культуры в юриспруденции: английского «практика» *case law*, французский тип легиста и «призыв» Савиньи к историческому дистанцированию. Затем он добавляет несколько сильных тезисов о развитии германистики после Савиньи: называет швейцарского историка права и исследователя античности Иоганна Якоба Бахофена, обнаружившего так называемое «материнское право», «истинным наследником Савиньи» (VRA: 416) и помещает самого себя в «Номосе земли» на линию Савиньи—Бахофен. Академический смысл этого поворота к «мифологическим исследованиям» здесь уточнить невозможно. Даже любую систематическую рецепцию Шмитт воспринимает в полемической форме; он актуализирует Савиньи не как важного теоретика источников права и, следовательно, философа права, но как полемического автора, участвовавшего в спорах своего времени. Он пишет:

Я вижу секрет его [Савиньи] великого внешнего и внутреннего воздействия в чем-то совершенно ином. Его призыв был первым сознательным дистанцированием от мира установлений. Его значение заключается не в аргументации, а в духовной ситуации, которая собственно придает историческое величие его главному аргументу, его учению о непреднамеренном возникновении права, поскольку это она превращает юриспруденцию в противоположный полюс по отношению к чисто фактически установленному праву, не забрасывая право естественно-правовыми лозунгами гражданской войны. (VRA: 418)

Значение «классика» Шмитт усматривал не столько в трансисторических истинах, сколько в репрезентации им «кризиса» или «ситуации». Он всегда воспри-

нимал авторов очень селективно — как представителей определенной, хорошо выписанной перспективы в рамках своего общего конституционно-исторического подхода, то есть не следовал ни за одним из авторов буквально, а прочитывал их произведения с точки зрения современности, как отражения конституционно-политических констелляций. Он не следовал слепо за кем-либо, поэтому его невозможно назвать просто «гоббсианцем» или «гегельянцем». В главе о Савиньи об этом сказано фраза, которую он позже неоднократно повторит: «Историческая истина истинна лишь однажды» (VRA: 415). Вероятно, здесь Шмитт имеет в виду ответ на исторический вызов или «вопрос». Диалектический ответ дает «„органической жизни“ (Савиньи) новый поворот и историческую возможность. Савиньи открыл методическую альтернативу историческому пониманию права через осознание „опасности механизации и технизации права“» (VRA: 420).

В последней главе Шмитт сформулировал свое принципиальное видение ситуации, используя противоположные ключевые понятия «теология и техника», «легальность и легитимность». В «Номосе земли» он подчеркивает с помощью доходчивой формулы, что европейская юриспруденция возникла «между теологией и техникой» (Schmitt, 1950a: 6) и остается затертой ими. Эта формулировка проблемы встречается, по сути, и в «Состоянии европейской юриспруденции». Но там повторяющиеся рассуждения о «расщеплении права на легальность и легитимность» воздействуют сильнее (VRA: 422, 424, 425). При этом Шмитт связывает легитимность с теологией, а легальность — с юридической техникой. «Моторизованный законодатель» коррелирует с «подчиненной инструментализацией» (VRA: 422) правового техника, неспособного занять дистанцию. Шмитт заканчивает работу критическими словами о «смертельной легальности» и «умерщвляющем озаконивании права» (VRA: 425).

В отличие от Савиньи, он не формулирует никакой сильной альтернативы. Его брошюра — это только диагноз кризису. В ней не содержится никакой ясной позиции относительно собственной правовой политики и разрушения модуса легальности при национал-социализме. Ведь в период национал-социализма Шмитт сам форсировал «расщепление права на легальность и легитимность», отделяя «легитимность» персоналистски интегрированного «государства фюрера» от модуса легальности и «противопоставляя легитимность легальности», если цитировать прорывную диссертацию Хассо Хофманна (Hofmann, 1964). Шмитт выбрал легитимность Гитлера в противовес поддержанию правопорядка средствами «буржуазного правового государства». Самокритику у него можно обнаружить лишь в том смысле, что теперь он, помимо критики модуса легальности, отказывается от сильных притязаний в пользу «легитимности», помещая ее рядом с «теологией» и «естественно-правовыми лозунгами гражданской войны». Таким образом, если сначала Шмитт восхваляет юридическое «учение Савиньи об источниках права», то завершается его сочинение собственно отказом от легитимности.

При этом Шмитт избегает упоминания основного понятия и ключевого слова, с помощью которого он сам ответил на «расщепление права на легальность

и легитимность»: речь идет о «номосе». Две юридические публикации 1950 года должны были дополнять друг друга: в «Состоянии европейской юриспруденции» в качестве диагноза кризиса формулируется вопрос о расщеплении легальности и легитимности, на который в «Номосе земли» дается положительный ответ. При этом Шмитт указывает на то, что в его речи о «номосе» обозначен позитивный источник права, помимо истории международного права в каких-либо «мифологических исследованиях». Однако здесь невозможно вывести то, что не было целью брошюры 1950 года: критике легализма или позитивизма здесь нельзя противопоставить никакой работающий концепт легитимности и никакое систематически убедительное определение соотношения легальности и легитимности. Следует лишь отметить, что и «Номос земли» описывает историю упадка — это мастерский рассказ об «исторической легитимности», или о происхождении и гибели классически-нововременного, «недискриминационного» международного права. При этом в первом приближении «спациальный» (spatialer) подход Шмитта к «пространству», его историю взаимосвязи «пространства и права, порядка и локализации» (Schmitt, 1950a: 17) можно рассматривать как вариант понимания значимости права со стороны социологии права. Шмитт вновь указывает на власть как основу права: право является легитимным только тогда, когда оно применяется эффективным и принудительным образом. Напротив, бессильная Европа не может далее формировать международное право.

Ранняя рецепция

Мы не можем здесь детально обсуждать соотношение брошюры «Состояние европейской юриспруденции» с другими изданиями 1950 года: «Номос земли», «Ex Captivitate Salus», «Доносо Кортес в общеевропейской интерпретации» или же со статьей «Проблема легальности», где ориентация чиновников на легальность изображается как властный ресурс Гитлера и где отстаивается — сегодня часто критикуемая — легенда о пособничестве правового позитивизма «легальной революции» национал-социализма. Также важны глоссы, добавленные при перепечатке текста в сборнике «Статьи по конституционному праву» 1958 года. Так, в глоссе к «Состоянию европейской юриспруденции» Шмитт выступает уже против Савиньи и на стороне Гегеля, потому что последний лучше понимал актуальную форму легальности и легитимности; в глоссе к статье «Проблема легальности» он исторически более точно определяет «расщепление легальности и легитимности», датируя его начало «периодом реставрации после 1815 года» (VRA: 449) и прочерчивая линию стратегической инструментализации легальности после Карла Маркса. Об этом также можно многое сказать. Но мы лишь вновь повторим, что «Состояние европейской юриспруденции» как первая крупная публикация в ФРГ вышла в марте 1950 года — за три четверти года до «Номоса земли». При этом на Пасху 1950 года Шмитт отправил книжечку Эрнсту Юнгеру, оставив самому адресату определить, что имеется в виду в сочинении. Его посвящение звучало так:

*Dilexi justitiam et odi iniquitatem*²¹

propterea a) unxit me Dominus meus oleo laetitiae; sic Psalm 44(45) 8;

b) morior in exilio; sic ultima verba S. Gregorii VII Papae

Эрнст Юнгер должен был выбрать, какое посвящение лучше подходит. В первом варианте Шмитт цитирует место из Библии: «Я любил справедливость и ненавидел беззаконие, поэтому помазал меня мой Господь елеем радости». Во втором варианте он цитирует последние слова папы Григория VII о своей покинутости Богом, в которых обыгрывается сцена распятия: «Я любил справедливость и ненавидел беззаконие, поэтому умираю в изгнании». Хотя в это время, в 1950 году, Шмитт и искал повторного сближения с католической церковью, но его старый товарищ и друг Эрнст Юнгер очень точно знал, что Шмитт собственно не считал необходимым, чтобы религиозное обетование спасения опосредствовало институты, он разделял библейское непосредственное отношение к Богу. Шмитт отстаивал принципиальное позитивное отношение к религии и видел себя «помазанным елеем радости». Однако в это время его публицистическое возвращение столкнулось с некоторым сопротивлением. Многочисленные рецензенты указывали на апологетическое сглаживание истории. Укажем лишь на две реакции значимых его боннских учеников.

Эрнст Форстхофф отреагировал на сочинение в письме от 16 марта 1950 года выражением преданного одобрения и представил детальные соображения по «управлению» рецепцией (Mußgnug, 2007: 68f.). Напротив, конституционно-теоретически более независимый Эрнст Рудольф Хубер в многостраничном письме от 16 июня 1950 года оспорил практически все, о чем написал Шмитт. Хубер иначе интерпретировал роль Савиньи и поменял местами стороны фронта между легальностью и легитимностью. Он защищал модус легальности от критики Шмитта и критиковал притязания от имени легитимности. Он писал так:

При всей полемике против легалистской инструментализации нельзя забывать и о том, что на этом заключительном этапе разложения не только «закон», но и «естественное право» становятся инструментом произвола, дискриминации и террора. Ссылки на «конкретный порядок», «здоровое понимание права и народа», на иррациональные энергии, на природу или разум, на справедливость и человечность, на христианское естественное право и божественную правовую заповедь превращаются, как и закон, в орудие планомерной дискриминации, лишения прав и уничтожения. Таким образом, разложение становится полным только тогда, когда к открытой жестокости псевдолегалистских установлений добавляется яд псевдолегитимистских заверений, при содействии всегда функционирующей юриспруденции. Возникает вопрос, где в таком состоянии еще можно найти прибежище для нефальсифицированного правового сознания? (Grothe, 2014: 365f.)

21. Об этом см.: Mehring, Dechert, 2017.

Хотя Шмитт собственно разделял этот критический взгляд на притязания со стороны легитимности на естественно-правовые «лозунги гражданской войны», Хубер очень точно указал своему учителю по Боннскому университету на то, что полемическое выступление против «легальности» отвлекает от апологий национал-социалистической легитимности и тем самым препятствует честному разбору его собственной роли. Несомненно, что в шмиттовском отождествлении себя с Савиньи Хубер также увидел подобный стратегический маневр по уклонению от ответственности и апологетическую легенду. Таким образом, Хубер подчеркивал, что критика «расщепления легальности и легитимности» не должна пренебрегать и вопросом о легитимности.

Актуализированный вывод

Вначале я провел различие между историзирующим прочтением и привязанной к современному контексту рецепцией. Были названы некоторые аспекты строгой историографии. При этом ссылка Шмитта на Савиньи как автора парадигмы «дистанцирования» была проинтерпретирована как автобиографическая легенда, не соответствующая его деятельности в качестве национал-социалистического государственного советника. Но если перенести сочинение Шмитта в другую эпоху и рассмотреть с точки зрения нынешнего времени, то некоторые сильные тезисы его работ окажутся применимыми и стимулирующими дальнейшие размышления. Указание Шмитта на предшествующие культурные и исторические общеевропейские конституционные стандарты кажется правильным; теоретико-правовой анализ разложения модуса легальности, а также общие идеи о «моторизованном законодателе» и об опасности утраты дистанции в фрагментированной правовой системе также оказываются точными и работающими. Что касается паралича формы закона, то именно у Дональда Трампа в его твиттере мы можем наблюдать, как развивается этот паралич. Сегодня наблюдательные юристы могут навскидку назвать сразу несколько теоретико-правовых и культурно-правовых проблем вроде кризисного режима в ЕС в последние годы, юридически сомнительного, не соответствующего либерально-демократическим принципам и политической культуре либеральной демократии²². При более трезвом и дифференцированном теоретико-правовом анализе шмиттовский кризисный диагноз стадий разложения правового кода может стать во многих отношениях весьма актуальным. При этом совершенно бесспорны рационализирующая роль и возможности юриспруденции; в конце концов, правовая политика реализуется преимущественно юристами. Монополия юристов в политике и управлении имеет, однако, определенные границы и риски. И все это возможно с разных точек зрения обсуждать в связи с работой Шмитта.

22. Так, например, на уровне ЕС принимается соглашение об оказании финансовой помощи, при этом игнорируются права парламента и парламентская процедура в Германии.

Наряду с апологетической версией отождествления Шмиттом себя с Савиньи, здесь мы прежде всего показали, что Шмитт решает проблему «расщепления права на легальность и легитимность» только критикой легальности, сознательно оставляя без внимания вопрос о легитимности. Разумеется, философско-правовое определение соотношения легальности и легитимности является незаменимым; о различных концептах и амбициях легитимности также можно сказать кое-что позитивное, вместо огульного осуждения как «лозунгов гражданской войны». Это было ясно и самому Шмитту. Однако в своей работе «Состояние европейской юриспруденции» Шмитт отказывается от философско-правового ответа и ограничивается диагностикой кризиса, поскольку ответ он хотел дать, и дал, в «Номосе земли», вышедшем несколько месяцев спустя. Насколько он убедителен с точки зрения систематики, это другой вопрос. В любом случае его юридические сочинения соотносятся между собой как вопросы и ответы: при этом, если «Состояние европейской юриспруденции» все еще разворачивается в рамках привычных юридических терминов и проблем, то ответ Шмитта в «Номосе земли» сформулирован весьма своеобразно и герметично. В том числе и поэтому «Состояние европейской юриспруденции» — сравнительно популярное сочинение, тогда как «Номос земли» читатели скорее избегают из-за громоздкости этого текста, несмотря на успешную политику в вопросах терминологии, в частности введении ключевого понятия «*jus publicum euroraeum*»²³. В принципе, я готов согласиться со Шмиттом в том, что значение «классика» не столько в удовлетворительных ответах, сколько в своевременной артикуляции определенных проблем и констелляций. И если Шмитт описывает XX век как «второй этап» кризиса легальности законодательного государства, то сегодня, вероятно, следует говорить о «третьей стадии», когда либерально-демократические конституционные стандарты отделились от национальной государственности, а проект современного конституционного государства в целом достиг пределов, за которыми его структурное тождество еще может быть сохранено.

В 1965 году виднейший ученик Шмитта в Боннском университете Эрнст Рудольф Хубер опубликовал сборник статей «Национальное государство и конституционное государство» (Huber, 1965), само название которого говорило о новых задачах и вопросах: были ли стандарты современного конституционного государства привязаны к национальному государству как таковому? Было ли политическое единство «нации» субстанциальным ядром легитимности конституционного государства? Зависит ли система легальности конституционного государства с его правовой структурой от этого мощного источника легитимности? Для демократизации конституционной системы ресурс национальной солидарности был относительно самостоятельным источником мощи. Так, сегодня вновь рассматривается и подчеркивается историческая взаимосвязь процессов формирования наций и демократизации. Известный историк Генрих Август Винклер высказался об этом

23. Об этом см.: Bogdandy, Hinghofer-Szalky, 2013.

очень ярко: «Ориентированный на универсальные принципы „конституционный патриотизм“, несомненно, был очень полезен для старой Федеративной Республики, но его недостаточно для обоснования солидарности, необходимой объединенной Германии, — солидарности национальной» (Winkler, 2015: 34f.).

В своем «Учении о конституции» (Schmitt, 1928: 125ff., §§ 12–13) Шмитт в целом уже отстаивал мнение, что хотя принципы «буржуазного правового государства» — организационный принцип разделения властей и принцип распределения основных прав — опираются на «понятие закона правового государства», однако это понятие размывается, его основная функция парализуется в процессе поворота к «исполнительному государству» и перехода от закона к «распоряжению». Сегодня размывание основных прав мы видим не только в том, что касается права на убежище, права на «самостоятельное распоряжение личными данными» (informationelle Selbstbestimmung) или права на свободу вероисповедания. Внимательное наблюдение за этим процессом — ответственная задача юридической науки. Сочинения о кризисах по понятным причинам часто воспринимаются осторожно и скептически. Сочинения Шмитта — это «троянские кони», это коварное оружие в дискурсе, эти сочинения тянут за собой много такого, чего на самом деле не желали. «Состояние европейской юриспруденции» также не столь безобидно и беспроблемно, как может показаться. Но несмотря на это, или именно из-за этого, оно при трезвом прочтении очень хорошо работает в качестве юридического введения в семантический космос Карла Шмитта.

Литература

- Шмитт К.* (2000а). Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц. С. 155–256.
- Шмитт К.* (2000б). Римский католицизм и политическая форма / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц. С. 99–154.
- Шмитт К.* (2008). Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaenum* / Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль.
- Шмитт К.* (2010). Фюрер защищает право // *Шмитт К.* Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Высшая школа экономики. С. 263–270.
- Blasius D.* (2001). Carl Schmitt: Preußischer Staatsrat in Hitlers Reich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Bogdandy A. von, Hinghofer-Szalky S.* (2013). Das etwas unheimliche *Ius Publicum Europaenum*: Begriffsgeschichtliche Analysen im Spannungsfeld von europäischem Rechtsraum, *droit public de l'Europe* und Carl Schmitt // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht*. Bd. 73. S. 209–248.

- Dreier H.* (2016). Staatsrecht in Demokratie und Diktatur: Studien zur Weimarer Republik und zum Nationalsozialismus. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Grothe E.* (Hg.). (2014). Carl Schmitt — Ernst Rudolf Huber: Briefwechsel 1926–1981. Berlin: Duncker & Humblot.
- Grothe E., Mehring R.* (2016). Das «Problem des geheimen Gesetzes» und die Grenze des «Führernotrechts»: Erstveröffentlichung von Ernst Rudolf Hubers Vortrag «Gesetz und Maßnahme» aus dem Wintersemester 1944/45 // *Der Staat*. Bd. 55. S. 69–96.
- Hofmann H.* (1964). Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts. Neuwied: Luchterhand.
- Hölderlin F.* (1943). Sämtliche Werke. Bd. 3. Berlin: Propyläen-Verlag.
- Huber E. R.* (1965). Nationalstaat und Verfassungsstaat: Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee. Stuttgart: W. Kohlhammer.
- Kirchmann J.* (1848). Die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin: Springer.
- Lethen H.* (2018). Die Staatsräte: Elite im Dritten Reich. Berlin: Rowohlt.
- Lewald W.* (1950). Carl Schmitt redivivus // *Neue Juristische Wochenschrift*. № 3.
- Mehring R.* (2009). Carl Schmitt: Aufstieg und Fall: Eine Biographie. München: C. H. Beck.
- Mehring R.* (Hg.). (2012). «Auf der gefahrenvollen Straße des öffentlichen Rechts...»: Briefwechsel Carl Schmitt—Rudolf Smend 1921–1961. Berlin: Duncker & Humblot.
- Mehring R.* (2013). Politische Theologie des Anarchismus: Fritz Mauthner und Gustav Landauer im Visier Carl Schmitts // *Hartung G.* (Hg.). *An den Grenzen der Sprachkritik: Fritz Mauthners Beiträge zur Sprach- und Kulturtheorie*. Würzburg: Königshausen & Neumann. S. 85–111.
- Mehring R.* (2017a). Carl Schmitt: Denker im Widerstreit: Werk — Wirkung — Aktualität. Freiburg: Karl Alber.
- Mehring R.* (2017b). Carl Schmitts Schrift Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. Bd. 77. Heft 4. S. 853–875.
- Mehring R.* (2017c). Carl Schmitt zur Einführung. Hamburg: Junius.
- Mehring R.* (2017d). Ulrich Bröckling: Gute Hirten führen sanft: Über Menschenregierungskünste // *Philosophischer Literaturanzeiger*. Bd. 70. Heft 4. S. 53–57.
- Mehring R.* (2017e). Vom Staatsrat zum Führerrat? Carl Schmitts Staatsrat-Projekt 1933 // *Mehring R.* Carl Schmitt: Denker im Widerstreit: Werk — Wirkung — Aktualität. Freiburg: Karl Alber. S. 80–97.
- Mehring R., Dechert N.* (2017). Ernst Jünger/Carl Schmitt: Widmungen in Büchern // *Jünger-Debatte*. Bd. 1. S. 183–204.
- Mußgnug D.* (Hg.). (2007). Ernst Forsthoff — Carl Schmitt: Briefwechsel 1926–1974. Berlin: De Gruyter.
- Nagel A.* (2015). Johannes Popitz (1884–1945): Görings Finanzminister und Verschwörer gegen Hitler: Eine Biographie. Köln: Böhlau.
- Savigny F. von.* (1840). System des heutigen römischen Rechts. Bd. 1. Berlin: Veit.

- Schmitt C.* (1912). *Gesetz und Urteil: Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis.* Berlin: O. Liebmann.
- Schmitt C.* (1926). *Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus.* München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (1928). *Verfassungslehre.* München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (1934a). *Der Weg des deutschen Juristen // Deutsche Juristen-Zeitung.* Bd. 39. S. 691–698.
- Schmitt C.* (1934b). *Nationalsozialistisches Rechtsdenken // Deutsches Recht.* Bd. 4. S. 225–229.
- Schmitt C.* (1934c). *Der Führer schützt das Recht: Zur Reichstagsrede Adolf Hitlers vom 13. Juli 1934 // Deutsche Juristen-Zeitung.* Bd. 39. S. 945–950.
- Schmitt C.* (1935a). *Die Verfassung der Freiheit // Deutsche Juristen-Zeitung.* Bd. 40. S. 1133–1135.
- Schmitt C.* (1935b). *Kodifikation oder Novelle? Über die Aufgabe und Methode der heutigen Gesetzgebung // Deutsche Juristen-Zeitung.* Bd. 40. S. 919–925.
- Schmitt C.* (1936a). *Aufgabe und Notwendigkeit des deutschen Rechtsstandes // Deutsches Recht.* Bd. 6. S. 181–185.
- Schmitt C.* (1936b). *Die geschichtliche Lage der deutschen Rechtswissenschaft // Deutsche Juristen-Zeitung.* Bd. 41. S. 15–21.
- Schmitt C.* (1936c). *Faschistische und nationalsozialistische Rechtswissenschaft // Deutsche Juristen-Zeitung.* Bd. 41. S. 619–620.
- Schmitt C.* (1937). *Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie.* Bd. 30. S. 622–632.
- Schmitt C.* (1938). *Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff.* München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (1939). *Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht.* Berlin: Deutscher Rechtsverlag.
- Schmitt C.* (1940a). *Das «allgemeine deutsche Staatsrecht» als Beispiel rechtswissenschaftlicher Systembildung // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* Bd. 100. S. 5–24.
- Schmitt C.* (1940b). *Positionen und Begriffe.* Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C.* (1942a). *Beschleuniger wider Willen oder: Problematik der westlichen Hemisphäre // Das Reich.* vom 19. April. S. 3–5.
- Schmitt C.* (1942b). *Die Formung des französischen Geistes durch den Legisten // Deutschland-Frankreich. Vierteljahresschrift des Deutschen Instituts.* Paris 1. S. 1–30.
- Schmitt C.* (1949). *Donoso Cortés in gesamteuropäischer Interpretation // Die neue Ordnung.* Bd. 3. S. 1–15.
- Schmitt C.* (1950a). *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum.* Köln: Greven.
- Schmitt C.* (1950b). *Donoso Cortés in gesamteuropäischer Interpretation.* Köln: Greven.
- Schmitt C.* (1950c). *Ex Captivitate Salus.* Köln: Greven.

- Schmitt C.* (1952). Zum Gedächtnis von Serge Maiwald // Zeitschrift für Geopolitik. Bd. 23. Heft 7. S. 447–448.
- Schmitt C.* (1984). Römischer Katholizismus und politische Form (1923/25). Stuttgart: Klett-Cotta.
- Schmitt C.* (2005). Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (2015). Glossarium: Aufzeichnungen aus den Jahren 1947 bis 1958. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (2016). Der Hüter der Verfassung. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schneider H.* (1952). Der preußische Staatsrat 1817–1918. München: C. H. Beck.
- Stolleis M.* (1999). Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 3: Staatsrechtswissenschaft und Verwaltungsrechtswissenschaft in Republik und Diktatur 1914–1945. München: C. H. Beck.
- Tilitzki C.* (1998). Vortragsreisen Carl Schmitts während des Zweiten Weltkriegs // Schmittiana. Bd. 6. S. 191–270.
- Winkler H. A.* (2015). Wider die postnationale Nostalgie // *Winkler H. A.* Zerreißproben: Deutschland, Europa und der Westen: Interventionen 1990 bis 2015. München: C. H. Beck. S. 30–36.

“The State of European Jurisprudence” by Carl Schmitt

Reinhard Mehring

Prof., Dr., Pädagogische Hochschule Heidelberg
 Address: Keplerstraße, 87, Heidelberg, Deutschland D-69120
 E-mail: mehring@ph-heidelberg.de

Oleg Kildyushov (translator)

Researcher, National Research University Higher School of Economics
 Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
 E-mail: kildyushov@mail.ru

The article provides an analysis of “The State of European Jurisprudence” by Carl Schmitt. The article offers a brief reconstruction of Schmitt’s “mental geography”, that is, his thoughts on the place of Europe and Germany in the history of the 20th century, as well as on the geo-strategic affiliation of Soviet Russia. The first part ends with the author’s interesting reflections on how Schmitt would perceive the situation in the contemporary Russian Federation. At the beginning of the next section, the scholar presents his research framework which, in his opinion, allows him to adequately deal with the texts of such a complex author as Carl Schmitt. The second part also considers the different versions of a given paper and the context of its origin; this part pays special attention to Schmitt’s wartime lectures of 1943–1944 which already contained the semantic core of their subsequent 1950 publication. The third section reconstructs Schmitt’s reception of the history of jurisprudence which started in the 1920s. The fourth and final part analyses the structure of the paper itself. It presents Schmitt’s concept of the “cabinet of mirrors” as a kind of extremely successful illustration for the history of ideas: it is a set of referenced authors with whom

he identified himself with during various years. The article ends with the conclusion stating the great heuristic potential of Schmitt's oeuvre which contributes substantially to the understanding of current political and legal disputes. This article is a new version of a public lecture delivered by Reinhard Mehring, Professor of the Heidelberg University of Education, and a renowned biographer and scholar of Carl Schmitt. The article was revised for this Russian publication. The author, taking the particular interests of an Russian audience into account, added a special fragment on the significance of Russia's image in Schmitt's works.

Keywords: Carl Schmitt, jurisprudence, National Socialism, the history of ideas, Friedrich von Savigny, Russia, Bolshevism

References

- Blasius D. (2001) *Carl Schmitt: Preußischer Staatsrat in Hitlers Reich*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Bogdandy A. von, Hinghofer-Szalzy S. (2013) Das etwas unheimliche Ius Publicum Europaeum: Begriffsgeschichtliche Analysen im Spannungsfeld von europäischem Rechtsraum, droit public de l'Europe und Carl Schmitt. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht*, Bd. 73, S. 209–248.
- Dreier H. (2016) *Staatsrecht in Demokratie und Diktatur: Studien zur Weimarer Republik und zum Nationalsozialismus*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Grothe E. (Hg.) (2014) *Carl Schmitt — Ernst Rudolf Huber: Briefwechsel 1926–1981*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Grothe E., Mehring R. (2016) Das «Problem des geheimen Gesetzes» und die Grenze des «Führernotrechts»: Erstveröffentlichung von Ernst Rudolf Hubers Vortrag «Gesetz und Maßnahme» aus dem Wintersemester 1944/45. *Der Staat*, Bd. 55, S. 69–96.
- Hofmann H. (1964) *Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts*, Neuwied: Luchterhand.
- Hölderlin F. (1943) *Sämtliche Werke*, Bd. 3, Berlin: Propyläen-Verlag.
- Huber E.R. (1965) *Nationalstaat und Verfassungsstaat: Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee*, Stuttgart: W. Kohlhammer.
- Kirchmann J. (1848) *Die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft*, Berlin: Springer.
- Lethen H. (2018) *Die Staatsräte: Elite im Dritten Reich*, Berlin: Rowohlt.
- Lewald W. (1950) Carl Schmitt redivivus. *Neue Juristische Wochenschrift*, no 3.
- Mehring R. (2009) *Carl Schmitt: Aufstieg und Fall: Eine Biographie*, München: C. H. Beck.
- Mehring R. (Hg.) (2012) *„Auf der gefährlichen Straße des öffentlichen Rechts...“: Briefwechsel Carl Schmitt — Rudolf Smend 1921–1961*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Mehring R. (2013) Politische Theologie des Anarchismus: Fritz Mauthner und Gustav Landauer im Visier Carl Schmitts. *An den Grenzen der Sprachkritik: Fritz Mauthners Beiträge zur Sprach- und Kulturtheorie* (Hg. G. Hartung), Würzburg: Königshausen & Neumann, S. 85–111.
- Mehring R. (2017) *Carl Schmitt: Denker im Widerstreit: Werk — Wirkung — Aktualität*, Freiburg: Karl Alber.
- Mehring R. (2017) Carl Schmitts Schrift Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, Bd. 77, Heft 4, S. 853–875.
- Mehring R. (2017) *Carl Schmitt zur Einführung*, Hamburg: Junius.
- Mehring R. (2017) Ulrich Bröckling: Gute Hirten führen sanft: Über Menschenregierungskünste. *Philosophischer Literaturanzeiger*, Bd. 70, Heft 4, S. 53–57.
- Mehring R. (2017) Vom Staatsrat zum Führerrat? Carl Schmitts Staatsrat-Projekt 1933. *Carl Schmitt: Denker im Widerstreit: Werk — Wirkung — Aktualität*, Freiburg: Karl Alber, S. 80–97.
- Mehring R., Dechert N. (2017) Ernst Jünger/Carl Schmitt: Widmungen in Büchern. *Jünger-Debatte*, Bd. 1, S. 183–204.
- Mußgnug D. (Hg.) (2007) *Briefwechsel Ernst Forsthoff — Carl Schmitt 1926–1974*, Berlin: De Gruyter.
- Nagel A. (2015) *Johannes Popitz (1884–1945): Görings Finanzminister und Verschwörer gegen Hitler: Eine Biographie*, Köln: Böhlau.
- Savigny F. von (1840) *System des heutigen römischen Rechts*, Bd. 1, Berlin: Veit.

- Schmitt C. (1912) *Gesetz und Urteil: Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis*, Berlin: O. Liebmann.
- Schmitt C. (1926) *Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus*, München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (1928) *Verfassungslehre*, München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (1934) Der Weg des deutschen Juristen. *Deutsche Juristen-Zeitung*, Bd. 39, S. 691–698.
- Schmitt C. (1934) Nationalsozialistisches Rechtsdenken. *Deutsches Recht*, Bd. 4, S. 225–229.
- Schmitt C. (1934) Der Führer schützt das Recht: Zur Reichstagsrede Adolf Hitlers vom 13. Juli 1934. *Deutsche Juristen-Zeitung*, Bd. 39, S. 945–950.
- Schmitt C. (1935) Die Verfassung der Freiheit. *Deutsche Juristen-Zeitung*, Bd. 40, S. 1133–1135.
- Schmitt C. (1935) Kodifikation oder Novelle? Über die Aufgabe und Methode der heutigen Gesetzgebung. *Deutsche Juristen-Zeitung*, Bd. 40, S. 919–925.
- Schmitt C. (1936) Aufgabe und Notwendigkeit des deutschen Rechtsstandes. *Deutsches Recht*, Bd. 6, S. 181–185.
- Schmitt C. (1936) Die geschichtliche Lage der deutschen Rechtswissenschaft. *Deutsche Juristen-Zeitung*, Bd. 41, S. 15–21.
- Schmitt C. (1936) Faschistische und nationalsozialistische Rechtswissenschaft. *Deutsche Juristen-Zeitung*, Bd. 41, S. 619–620.
- Schmitt C. (1937) Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, Bd. 30, S. 622–632.
- Schmitt C. (1938) *Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff*, München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (1939) *Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht*, Berlin: Deutscher Rechtsverlag.
- Schmitt C. (1940) Das "allgemeine deutsche Staatsrecht" als Beispiel rechtswissenschaftlicher Systembildung. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, Bd. 100, S. 5–24.
- Schmitt C. (1940) *Positionen und Begriffe*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C. (1942) Beschleuniger wider Willen oder: Problematik der westlichen Hemisphäre. *Das Reich*, 19 April, S. 3–5.
- Schmitt C. (1942) Die Formung des französischen Geistes durch den Legisten. *Deutschland-Frankreich: Vierteljahresschrift des Deutschen Instituts*, S. 1–30.
- Schmitt C. (1949) Donoso Cortés in gesamteuropäischer Interpretation. *Die neue Ordnung*, Bd. 3, S. 1–15.
- Schmitt C. (1950) *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*, Köln: Greven.
- Schmitt C. (1950) *Donoso Cortés in gesamteuropäischer Interpretation*, Köln: Greven.
- Schmitt C. (1950) *Ex Captivitate Salus*, Köln: Greven.
- Schmitt C. (1952) Zum Gedächtnis von Serge Maiwald. *Zeitschrift für Geopolitik*, Bd. 23, Heft 7, S. 447–448.
- Schmitt C. (1984) *Römischer Katholizismus und politische Form (1923/25)*, Stuttgart: Klett-Cotta.
- Schmitt C. (1998) Duhovno-istoricheskoe sostojanie sovremennogo parlamentarizma [The Spiritual and Historical State of Modern Parliamentarism]. *Politicheskaja teologija* [Political Theology]. Moscow: KANON-press-C, pp. 155–256.
- Schmitt C. (1998) Rimskij katolicizm i politicheskaja forma [Roman Catholicism and Political Form]. *Politicheskaja teologija* [Political Theology]. Moscow: KANON-press-C, pp. 99–154.
- Schmitt C. (2005) *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum Europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg: Vladimir Dahl.
- Schmitt C. (2010) Fjurer zashhishhaet pravo [The Führer Upholds the Law]. *Gosudarstvo i politicheskaja forma* [The State and the Political Form], Moscow HSE, pp. 263–270.
- Schmitt C. (2015) *Glossarium: Aufzeichnungen aus den Jahren 1947 bis 1958*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2016) *Der Hüter der Verfassung*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schneider H. (1952) *Der preußische Staatsrat 1817–1918*, München: C. H. Beck.

- Stolleis M. (1999) *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 3: Staatsrechtswissenschaft und Verwaltungsrechtswissenschaft in Republik und Diktatur 1914–1945*, München: C. H. Beck.
- Tilitzki C. (1998) Vortragsreisen Carl Schmitts während des Zweiten Weltkriegs. *Schmittiana*, Bd. 6, S. 191–270.
- Winkler H. A. (2015) Wider die postnationale Nostalgie. *Zerreissproben: Deutschland, Europa und der Westen: Interventionen 1990 bis 2015*, München: C. H. Beck, S. 30–36.